

главное — В ХАРАКТЕРЕ

Выделяя главное в характере Василия Ивановича Качалова, П. В. Массальский отмечал:

— Участие к людям и доброта.

И вспомнил Павел Владимирович такой случай.

Это было накануне Нового года. Выходя из театра, он столкнулся с Василием Ивановичем. Некоторое время шли вместе.

— Где встречаешь праздник? — спросил маститый артист.

— Я еще не думал, — неуверенно ответил Паша, как тогда его называли, — да, признаться, и денег нет.

Василий Иванович грустно посмотрел, ничего не ответил.

На том и разошлись.

На следующий день в коридоре театра они снова встретились.

Василий Иванович взял юношу под руку и, понизив голос, таинственно заговорил:

— Сделай мне одолжение...

Паша согласно кивнул, и приготовился слушать дальше. Конечно же, он готов был выполнить любое поручение великого артиста.

— Сделай мне одолжение, — еще раз проговорил Василий Иванович, — возьми эти деньги. Пусть у тебя будет веселый, хороший Новый год. Когда-нибудь потом отдашь...

Павел Владимирович не успел опомниться, как Василий Иванович вложил ему в руки деньги и степенно стал удаляться...

Что касается денег, то спустя какое-то время Павел Владимирович возвратил их, но навсегда осталось в нем жить ощущение доброты, которую пространял вокруг себя великий Качалов.

Да, именно так. В Массальском навсегда осталось ощущение доброты, ставшее едва ли не главной чертой его характера.

Уже будучи знаменитым актером, руководителем курса Школы - студии МХАТа, Массальский умел быть справедливым, снисходительным. И это тоже было свойством его доброты.

Так случилось, что один из его студентов в поздний час пришел к девушке в общежитие, и его не впустили. Он стал громко выражать недовольство, не в меру горячился и чуть было не полез в драку.

Кто-то предложил «позвонить Паше», — так за глаза, между собой, уважительно и любовно студенты называли своего руководителя.

— Только не ему, — вдруг встрепенулся парень. — Ну, ребята, не надо... А впрочем, черт с вами! Звоните! Докладывайте!..

Наутро всей школе стало известно, что «сам Павел Владимирович в ярости». В кабинете ректора он волнуется, то и дело прикладывает руку к сердцу.

— Гнать его немедленно!

Проходит день. Павел Владимирович встречает профессора Виктора Карловича Монокова и вместо приветствия взволнованно и осуждающе говорит:

— Ты слышал, что натворил К.? Ах, такой-сякой! Я думаю, надо исключить... Ты как считаешь?

— Конечно! — решительно заявляет Моноков.

Массальский был поче-

му-то убежден, что тот станет убеждать повременить со строгими мерами, ведь парень не без способностей.

— Я бы не задумывался, — продолжал между тем Моноков.

Павел Владимирович как-то сник.

— Да?.. — только и спросил, а в голосе — растерянность.

На следующий день, когда на кафедру пришел Моноков, Павел Владимирович словно ожидал его.

— Так я иду к ректору визировать приказ об исключении...

Сказал, а глаза смотрели вопрошающе. Так хотелось, чтобы кто-то возразил ему, вступился за студента. Вместо этого — вокруг молчание. Никакого милосердия — этакое равнодушие!

И тогда на свой риск он исправил проект приказа.

Прошел еще один день. Виктор Карлович — с упреком:

— Эх, Павел Владимирович, что же вы!..

Но тот не чувствовал вины. Во взгляде — этакие озорные чертики.

— Ты себя-то молодым помнишь? — спросил он вдруг. — Мы ведь тоже не были святыми...

Массальский схватил Виктора Карловича за локоть, увлек в сторонку, в самый дальний угол и неожиданно попросил:

— Дай-ка сигаретку... Ну чтобы никто-никто. Ты ведь знаешь, мне запретили... Так вот, когда мы были молодыми и — повторю — отнюдь не святыми, всякое случалось...

Моноков смотрел в лицо своего старшего друга и видел глаза, полные доброты...

Дмитрий ВРУДНЫЙ.